

УДК 82

ЗА СТРОКОЙ ЕРШОВСКОГО ЭПИГРАФА К «БЛОКОВСКОЙ» МИСТИФИКАЦИИ Б. САДОВСКОГО «СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА»

© 2015 г.

Ю.А. Изумрудов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

izumrud.nnov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2014

Рассматривается историко-литературный контекст эпиграфа (строка из «Конька-Горбунка» П.П. Ершова) к «блоковской» мистификации Б.А. Садовского «Солдатская сказка».

Ключевые слова: эпиграф, сказка, классика, традиция, революция, Ершов, Пушкин, Гоголь, Белинский.

В 1926 году в «сменовеховском» журнале «Новая Россия» Б. Садовской напечатал якобы сохранившееся в его архиве неизвестное произведение А. Блока – прозаическую «Солдатскую сказку». В дальнейшем, однако, выяснилось, что это литературная мистификация Б. Садовского – его полемический отклик (с промонархических позиций) на революционную поэму А. Блока «Двенадцать».

По сюжету сказки в России все никак не могли избавиться от коварно подосланных Наполеоном двенадцати зловерных маршалов, пожирателей казенного серебра, поставивших под угрозу само существование русской державы. Спасает в итоге Отечество совсем, казалось бы, пропащий мужичонка, уроженец провинциальной глубинки (изначально в рукописи такой значился Арзамас; посылая же текст сказки в редакцию журнала, Б. Садовской меняет Арзамас на Калугу, дабы не афишировать свои хорошо известные в читательских кругах нижегородские пристрастия, во избежание могущих возникнуть нежелательных для него сомнений в авторстве А. Блока).

* * *

В ходе работы над рукописью «Солдатской сказки» Б. Садовской привносит в текст такую конкретизацию касательно образа героя ее, спасителя державы от «наполеоновых сереброедов», – «поп-расстрига по прозвищу дядя Бдых» (здесь и далее курсив наш. – Ю.И.). Деталь эту, как по-видимому малозначащую, С. Шумихин (автор, по сути, единственной за весь двадцатый век серьезной статьи о «Солдатской сказке», правда, в основном лишь историко-архивного характера [1]) оставил без комментария – меж тем она по-своему примечательна. Как нам удалось выяснить при ознакомлении с частными архивами нижегородских родственников Б. Садовского, дядя Бдых было его шутливым прозви-

щем в семейном кругу в 1920-е годы (когда, собственно, и писалась сказка).

И получалось, что Б. Садовской как бы примеривал на себя образ героя сказки, едва ли не отождествлял себя с ним. И имеющий уши да слышал: придет время, обязательно придет – и Россия призовет для сокрушения новоявленных муратов-пожирателей всех оставшихся ей верными, чего бы это ни стоило, бескорыстных служителей ее, истинных патриотов – таких как укрывшийся за этой мистификацией автор ее, Б. Садовской, советскими идеологами преданный забвению, выброшенный на задворки жизни, немощный физически – и сильный духом, верой в незыблемость подлинных русских державных ценностей. И не символично ли, что в это же примерно время, время создания «Солдатской сказки», о таком Садовском (с его «огромнейшей, благоговейной, порой мучительной любовью к России» [2, с. 322]) пишет его друг – эмигрант В. Ходасевич – в парижской газете «Последние новости» – на весь мир, что называется, пишет: «...как должен был страдать он в голоде, в холоде, разбитый параличом, видящий гибель и оплевывание всего, что было для него свято: России, литературы. За эти страдания простятся ему все грехи, ежели они были. Те, кто знал его хорошо и близко, навсегда сберегут о нем память, самую дружескую, самую любовную» [2, с. 329].

В дальнейшем, однако, чтоб никак не обнаруживать себя в «блоковском» тексте – пусть и для узкого круга посвященных: родственников и друзей дома, – Б. Садовской изымает отсюда дядю Бдыха. Как, впрочем, и самого попарасстригу; его уже по другой причине: Блок вряд ли мог избрать спасителем России такого персонажа, пусть даже и относилось действие сказки во времена весьма и весьма далекие от революции, и, как сообщалось «Новой Росси-

ей», писалась она в 1915-м, то есть тоже еще до революции.

Отказываясь от *дяди Бдыха*, Б. Садовской тем не менее сохранил синонимическую связь с этим образом: в окончательном варианте (публикационном) герой стал именоваться «лентяй Заспиха». При этом открывались ассоциации с народными сказками об Иване-дураке: как тот лежит себе на печи, ни за какую работу браться не хочет, порицается всеми за леность и неразумность, – но вдруг чудесным образом оказывается ловчее и умнее всех, женится на Красе Ненаглядной и получает царство. В предпубликационном варианте была и отсылка к конкретной сказке – «Коньку-Горбунку» П.П. Ершова – эпиграф из него: «Горбунок летел как ветер» (в оригинале «летит»). Почему же для журнала Б. Садовской предложил текст без эпиграфа? Ведь это только народной сказке естественно быть без него. В сказке же литературной (а именно таковой и является напечатанная в «Новой России») вполне может содержаться эпиграф (в том же «Коньке-Горбунке» он есть у каждой из трех ее частей), но может, конечно же, и отсутствовать. Думается, решение Б. Садовского снять строчку П.П. Ершова связано все с теми же обстоятельствами сокрытия следов своего присутствия в «блоковском тексте».

Об особой склонности Б. Садовского к эпиграфам знали многие (конечно же, и А. Блок их использовал, однако у Б. Садовского это было гораздо более выраженным явлением). Б. Садовской предпосылал эпиграфы как произведения в целом, так и частям и главам их, поэтическим и прозаическим сборникам, критическим и публицистическим статьям... Даже записям снов и дневникам... И по мере того как развивалось и крепло творчество, возрастал и интерес к эпиграфам. И как раз в послереволюционные годы (когда писалась «Солдатская сказка») это проявилось со всей очевидностью, в частности, и в правке автором своих произведений (отбираемых им с целью издать в виде Собрания сочинений; увы, в тех идеологических условиях это оказалось нереальным): если в некоторых из них еще отсутствовали эпиграфы – они обязательно добавлялись (у Блока, к слову сказать, был обратный процесс; так, редактируя для лирической трилогии «Стихи о Прекрасной Даме», он убрал из них концептуальные эпиграфы из Владимира Соловьева и Валерия Брюсова). Эпиграфы у Б. Садовского не просто характерная примета его писательской манеры, но и один из важнейших факторов, организующих его метатекст.

Как правило, в качестве эпиграфов избирались цитаты из отечественной классики (в том

числе из духовного источника ее, Книги книг, Библии). И она невольно как бы оказывалась неким магическим кристаллом, сквозь призму которого провиделось написанное Б. Садовским; самим автором задавалось *такое прочтение* его произведений, *как бы в присутствии классики* (если перефразировать известные слова А. Твардовского о плодотворности разговора о текущей литературной жизни с воображаемым участием Пушкина, «*в присутствии Пушкина*, которого мы считаем не святыней, отдаленной от нас своим величием, но живым и действенным участником в решении наших нынешних дел» [3, с. 373]).

Из всего комплекса самых разнообразных эпиграфов выделяются прежде всего строки авторов, чьи творческие уроки Б. Садовской считал особенно важным учитывать в деле разработки им концепции исторической миссии России (и тут не все объяснялось лишь симпатиями). Так, строки принципиально не любимого им Лермонтова в романе о нем «Пшеница и плевелы» (1936–1941) предопределяют отторжение его как воплощения антихристианского начала от подлинной, по заветам пошедшего на Голгофу Христа, жизни, – отторжение самой корневой, исконной Россией. И, наоборот, слово Гоголя, которого Б. Садовской ценил исключительно высоко, как немногих вообще (с присутствием ему максимализмом: «...из всей нашей литературы можно оставить только Жуковского и Гоголя» [4, с. 180]), становится камертоном уже разбиравшегося нами романа «Охота» [5], с его сказкой о милорде Макинтоше, где все поверяется *мнением народным*, гласом многомиллионного простого сословия, хранителя истинных нравственных ценностей. И закономерно, что глава, где, собственно, и содержится сказка, по существу завершает роман. И главу эту автор предваряет вполне отвечающим ей эпиграфом (который, если точнее сказать, *направляет* ее): «И плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ» [6]. В них – главное: мудрость, спокойная уверенность, в чем и нуждается Россия на пороге смутных времен.

А теперь об эпиграфе к «Солдатской сказке». Строчкой Ершова, естественно, задавалось прочтение ее в контексте «Конька-Горбунка». Это касалось и содержательного плана: лентяй Заспиха был столь же решителен и стремителен в своем правом деле, как и невзрачный на вид Конек-Горбунок, спешащий помочь хозяину своему, Иванушке. А что особенно важно, это относилось и к поэтике: подчеркивалось, что Б. Садовской творчески подошел к фольклору, перевоплотил его в новое качество, создав художественное произведение, в котором от пер-

воисточника – лишь фабула, остальное же, главное, опорное – видение характеров, философия жизни, язык – авторское.

За строчкой эпиграфа для вдумчивого читателя вырисовывается еще одно поле для сопоставлений, но уже в отрицательном смысле как пример крайнего искажения самого духа первоисточника – «Конек-скакунок» С.А. Басова-Верхоянцева (1906). Широко растражированная и разрекламированная большевистской прессой псевдореволюционная перелицовка «Конька-Горбунка» Ершова, некая «новая погудка» на старый лад, художественно бездарная – и ущербная, «людоедская» с точки зрения нравственности (явно сказались эсеро-террористские наклонности автора, которые приведут его в дальнейшем в ВЧК-ОГПУ).

И не удивительно ли: садистские картины этой поэмы (а иначе нельзя характеризовать жуткую расправу над семейством царя Берендея, под которым разумелся Николай II) один из лучших критиков 1920-х годов В. Полонский отнес к «пушкинской школе» [7, с. 8]. Как, впрочем, и глумливые вариации уже на тему «Двенадцати» А. Блока в другом «революционном опусе» С.А. Басова-Верхоянцева, поэме «Расея» (странным образом не становившиеся пока еще предметом внимания блоковедов: беспардонное следование ритмике и стилистике «Двенадцати» обернулось, уже помимо воли автора, возмездием ему, убийственной самопародией).

В ряду этих псевдоблоковских писаний (увы, в рамках статьи нет возможности цитировать и комментировать их) мыслятся нами хоть и полемичные уже в отношении автора «Двенадцати», уже с чиновничьим, высокомерно-поучающим апломбом, строки идеолога басовых-верхоянцевых – наркома просвещения А.В. Луначарского, столь же поэтически примитивные:

Так идут державным шагом,
А поодаль ты, поэт,
За кроваво-красным стягом,
Подпевая их куплет.
Их жестокого романа
Подкупил тебя трагизм.
На победу мало шанса,
Чужд тебе социализм <...>.

Если б, маршем пропуская,
Видел первые ряды,
Ты запел бы, весь сгорая,
Гимн победы, не беды!
Но идешь ты только сзади,
Где волочит войско хвост.
Добр и чуток Христа ради,
Смутен, сложен, ясен, прост.

Таков в представлении Луначарского Блок «Двенадцати», плетущийся где-то «сзади, где волочит войско хвост», едва ли не на пару (вспомним финал знаменитой поэмы) с «паршивым», «шелудивым», «безродным псом». И как контраст этой нелепой фигуре представлен истинный, по Луначарскому, вождь красногвардейцев, их «передних рядов» (не «Христос жемчужный»), В.И. Ленин, «реальный человек и в то же время подлинное воплощение самых могучих идей, какие когда-либо развивались на земле и перед которыми христианский лепет является жалкой старинкой» [9, с. 50].

Кто ведет? Христос жемчужный?
Кто там зоркий и живой
Над Европою недужной
Простирает разум свой?

Всей тоски их порожденье,
Кормчий всех надежд и снов,
Для буржуев наважденье
И антихрист для попов [8, с. 204].

Оба – и Басов-Верхоянцев, и Луначарский в равной мере порочат Блока. Оговоримся: Луначарский стихи свои, которые он квалифицировал как *послание* Блоку, не стал-таки печатать (они увидят свет только в 1961 году). А вот критику, где допустил уже явную непристойность, напечатал – как вступительную статью к двенадцатитомнику Блока (1932–1936), самому масштабному на то время изданию сочинений поэта (принявшего революцию!..). Вот что писал, в частности, Луначарский по поводу блоковской «Записки о «Двенадцати»»: «Мы присутствуем при проявлении полнейшего политического идиотизма» [9, с. 51]. Б. Садовской, постоянный и бескомпромиссный оппонент большевиков, подобного не позволял себе. К Блоку, принявшему революцию, относился с уважением. Самое сильное и решительное, на что пошел он в выражении своего несогласия с его позицией, – это приписал ему свою «Солдатскую сказку», где Блок-идеолог иносказательно как бы сам себя отрицал. Предосудительный конечно же поступок – как-никак подлог! – однако в сравнении с бранью Луначарского, считавшегося высококультурным и гуманнейшим из членов советского правительства, едва ли не невинная шалость.

Нами уже отмечалось, что в указанный двенадцатитомник Блока вошла «Солдатская сказка». И, стало быть, косвенно фраза Луначарского о «политическом идиотизме» относится и к ней (в смысловом отношении, пусть и метафорически, связанной с блоковской «Запиской»). Ведь в истории о сокрушении серебряевова уже

в прямой форме выразилось то, что было – на уровне смутных предощущений – и в «Записке о «Двенадцати»».

Укажем еще на некоторые аспекты, связанные с мотивом эпитафии из «Конька-Горбунка», – прежде всего в плане прояснения его историко-литературного контекста, каким он представляется нам в свете эстетической позиции автора «Солдатской сказки».

Важным будет отметить, что эпитафией из Ершова Б. Садовской *следовал* произведению, пусть и неоднократно издаваемому в советские годы, включенному в школьные программы, однако и порицаемому с идеологических трибун (в частности, таким авторитетным ученым, как М.К. Азадовский) за «дух официальной народности», «черты православно-религиозные» [10, с. 14], за кулацкое скопидомство [11]. В тридцать седьмом, расстрельном, такие вот *презрения*, как особо опасные для советского строя, будут инкриминироваться другу Б. Садовского, Сергею Клычкову, на фольклорной основе создавшему изумительные по своим художественным достоинствам романы «Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира»; произведения эти, а равно и имя автора, на десятилетия исключат из литературного процесса.

Порицался «Конек-Горбунок» и возвеличенным в советские годы *первым русским критиком, идеологом революционной демократии* В.Г. Белинским – и, как нам представляется, за строчкой эпитафии к «Солдатской сказке» прочитывается полемика с ним. Надобно сказать, что с Белинским у Б. Садовского были особые счеты, еще с дореволюционной поры. Белинский виделся как «узко-либеральный публицист», проводник «чуждых литературе идей» [12, с. 372], предшественник и вдохновитель особо ненавистной Б. Садовскому «знаменитой триады» [12, с. 372] – *поповичей* Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, а также «нигилиста-вандала» [13, с. 528] Д.И. Писарева. В скандальном антибольшевистском романе 1921 года «Шестой час», изначально писавшемся в стол как совершенно немислимый в тогдашней печати в цензурном отношении, фамилия «Неистового Виссариона» отдана отталкивающему в нравственном плане персонажу, жандармскому полковнику, трусливому, беспринципному, изменившему долгу защиты тысячелетней русской державы, готовому прислуживать большевикам как новым хозяевам. К слову, и двое из наследующей «Неистовому Виссариону» *триады* также развенчиваются в этом романе. Так, фамилию Писарева, отрицателя монархии («Династия Романовых и петербургская бюро-

кратия должны погибнуть <...>. То, что мёртво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» [14, с. 126]), носит опять-таки жандарм, только чином уже несравнимо ниже, всего лишь вахмистр из охранки. А из идей автора знаменитого романа «Что делать?» оболтусы-семиклассники – будущие декадентский виршеплет Зеленецкий и от нечего делать секретарь консистории Антонычев (опять своего рода *попович*, только уже из корыстно-конъюнктурных соображений) извлекают такое вот рациональное зерно: «Всех перевешать и деньги разделить, а мы в стеклянных дворцах жить будем» [15, с. 16].

В одном лагере с Белинским (и «триадой»), по концепции Б. Садовского, в итоге оказывается и... Пушкин (одно время, кстати, весьма ценный Б. Садовским). А ведь без него бы, пожалуй, и Ершова не было бы. Всем известно: пушкинские сказки, ставшие образцом этого жанра, предопределили появление «Конька-горбунка», избранного Б. Садовским в качестве ориентира при написании «Солдатской сказки». И почему бы, собственно, и самому художественному опыту Пушкина не быть им использованным в этом деле? (Кстати, из произведений Пушкина вполне можно было бы подобрать близкие по смыслу эпитафии к «Солдатской сказке» – к примеру, из сказок о Царе Салтане и Золотом петушке)... Увы, в период написания «Солдатской сказки» Пушкин воспринимался Б. Садовским в негативном контексте. Не имея возможности в рамках настоящей статьи развивать пушкинскую тему в творчестве Б. Садовского, многогранную, очень емкую, отразившуюся и в стихах его, и в прозе, и в литературной критике, отметим лишь следующее, самое важное. В годы молодости, а это был период наибольшей известности его в литературном мире, Б. Садовской был убежденным поклонником Пушкина, причислял себя к «пушкинской школе» [16, с. 2]. После революции, в 1920-е годы, когда и замышлялась «Солдатская сказка», позиция Б. Садовского кардинально изменилась. Теперь он уже отрицает, «преодолевает» [4, с. 178] Пушкина как одного из ключевых кумиров Серебряного века – по его глубокому и выстраданному убеждению, антихристианской, демонической эпохи, открывшей ящик Пандоры – губительных для тысячелетней русской державы революций, гражданской войны, большевистского террора... Примерами этого являются повесть «Кровавая звезда» (1919), романы «Шестой час» (1921), «Пшеница и плевелы» (1936–1941), дневник, лирика 1920–1930-х гг., в

частности, вот это стихотворение, написанное в годы, когда начал формироваться официальный советский культ Пушкина:

Ты рассыпаешься на тысячи мгновений,
Созвучий, слов и дум.
Душе младенческой твой африканский гений
Опасен как самому.
Понятно, чьим огнем твой освящен
треножник,

Когда в его дыму
Козлиным голосом хвалы поет безбожник
Кумиру твоему [17, с. 146].

Преодолевается Пушкин и в разбиравшемся выше романе «Охота» со включенной в него типологически близкой «Солдатской сказке» сказкой о лорде Макинтоше. Пушкина здесь позволительно знать лишь несмышленишу Жене Толубееву, «юному, румяному правоведу». Для человека же постарше, пусть и немного, но познавшего жизнь, послужившего офицером в провинции, – Арсения Львовича Каратова – Пушкин принципиально не существует. На упорное чтение Женей стихов и пояснение его: «...это Пушкина, из «Полтавы», – Каратов отвечает убийственной репликой: «Пушкина из Полтавы? А как ей отчество?» [6].

В отдельно взятом романе *это* можно было бы счесть за невежество Каратова, но в контексте всего творчества Б. Садовского, в *метатексте*, фраза звучит как четко осознанная позиция по отношению к поэту. Она конкретизируется одним из заключительных эпизодов романа, с легко прочитываемым символическим смыслом: денщик Каратова, солдат Лопухов, как бы от лица Каратова и во исполнение воли *простого народа*, хранителя нравственного идеала, утешит тумачами *поповича* за распространяемую им похабную солдатскую сказку, где герой ее показан как обманщик и вор, что дискредитировало образ русского солдата с его присягой честной службы народу и отечеству. И два этих деяния – забвение Пушкина и наказание *поповича*, духовные братья которого Чернышевский и Добролюбов были восславлены в большевистские времена за низвержение основ русской державности, – принципиально в одном ряду, взаимообусловлены: ведь, по сути, на этой же идеологической базе *низвержения основ* строился в сталинском СССР уже упоминавшийся нами культ Пушкина.

Пушкину в «Охоте», отметим также, явно противопоставлен Фет. Здесь он уже как один из персонажей романа, адъютант Орденского полка. «Славный парень. Стихи сочиняет и выпить не дурак» [6] – так по-свойски уважительно характеризуется он в кругу сослуживцев. Это гармоничная, уравновешенная натура, вы-

зывающая искренний интерес к себе. Вот так: один «стихи сочиняет», а от другого осталась лишь некая *Марья из Полтавы* (как явствовало из уже приводимой реплики Каратова из романа «Охота»). А ведь когда-то оба они в эстетической системе Б. Садовского были главными авторитетами, с ними соизмерялось все ценное в искусстве. И вот – *по разные стороны баррикад*... В «Охоте» у Пушкина еще один антипод – Гоголь (особая значимость творческого наследия которого осозналась Б. Садовским именно в советские годы), потому главам с отмеченными выше сказками, противопоставленными по смыслу (о лорде Макинтоше и солдате-обманщике), и историями Марьи Пушкиной из Полтавы и поповича, а также роману в целом предпосланы в качестве эпиграфа строки из его последней, незаконченной книги. В ней наряду с мертвыми должны быть показаны и живые души, где предвещалось бы великое будущее Земли Русской.

Вернемся же к Белинскому – характеристике им «Конька-Горбунка», с которым в плане преемственности соотносил свою «Солдатскую сказку» Б. Садовской. Это совершенно неверная характеристика, беспелляционно-резкая, несправедливая: «Конек-Горбунок», по мнению критика, не обнаруживает в себе «русского духа», «не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса», не предполагает в авторе какого-либо таланта [18, с. 367]. Столь же однозначно отрицательным было и в целом мнение западников, к примеру, Н.В. Станкевича, главы известного философского кружка, куда входил и Белинский: «...черт знает, что такое. Плюнул да и руки вымыл <...> ... Конек-Горбунок просто несносен» [10, с. 10].

И здесь самим Б. Садовским подсказывается сравнение с современником автора «Конька-Горбунка», также связавшим свою судьбу с фольклорной стихией, только *песенной*, – А.В. Кольцовым. Этот «наивный прасол», как считает Б. Садовской, пошел на поводу у интеллигентского мнения Станкевича и членов его кружка, оказавших на него «несомненно вредное влияние», и не состоялся в *должной мере* как поэт (а стихотворцы, взявшие его «тон»: «тяготение к интеллигенции», «отрешение от своего языка и быта», «стремление писать общешаблонным литературно-гладким слогом», – вообще «выродились в убогую банальность» [19, с. 143]). Ершов же остался верен себе – и не сошел с художнической высоты, подчеркивая в позднейших редакциях «Конька-Горбунка» все большую укорененность в традициях русской державно-монархической жиз-

ни (а Кольцов, как утверждал лично общавшийся с ним М.Ф. Де-Пуле – его концепция творческой судьбы поэта-прасола, полемически противопоставленная воззрениями Белинского, была близка Б. Садовскому, – в последние годы жизни пришел к внушенному ему «Неистовым Виссарионом» «отрицанию всех основ русской жизни» [20, с. 153]).

Б. Садовской, всегдашний и последовательный оппонент В. Белинского, печатно мнение свое о П. Ершове не высказал. Однако его общая высокая оценка творчества поэтов, разрабатывающих фольклорные мотивы, с их *органической* ориентацией на традиции высокой классики, на *равноправный союз* с творцами ее («После бездушной лжепоэзии эстетов из «Аполлона» и наглой вакханалии футуризма отдыхаешь душой на чистых, как лесные зори, вдохновениях народных поэтов» [19, с. 144]), дает основания распространить ее и на автора «Конька-Горбунка».

И совершенно неслучайно, что свой опыт в фольклорном духе (блестяще удавшийся) он, как уже указывалось нами, и соотнес как раз с Ершовым.

Список литературы

1. Шумихин С.В. Мнимый Блок? // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 736–751.
2. Ходасевич В.Ф. Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. М.: Согласие, 1996. 464 с.
3. Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1980. 463 с.
4. Садовской Б.А. Заметки. Дневник (1931–1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.
5. Изумрудов Ю.А. К вопросу о проблематике «Солдатской сказки» Б.А. Садовского // Вестник

Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 170–175.

6. Садовской Б.А. Охота [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php

7. Полонский В. С.А. Басов-Верхоянцев // Басов-Верхоянцев С.А. Собрание сочинений: В 3 т. М.–Л., 1927. Т. 1. С. 5–10.

8. Два стихотворения А.В. Луначарского // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 201–204.

9. Луначарский А.В. Александр Блок // Блок А.А. Собрание сочинений: В 12 т. Л., 1932. Т. 1. С. 14–55.

10. Азадовский М.К. Путь «Конька-горбунка» // Ершов П.П. Конек-горбунок. М., 1934. С. 9–15.

11. Попович Н. «Конек-горбунок». Сказка или намек? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unbelievable.ru/articles.php?id=381>

12. Садовской Б.А. О старой и новой критике // Критика русского символизма. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 372–375.

13. Белинский В.Г.: Pro et contra. СПб.: РХГА, 2011. 1168 с.

14. Писарев Д.И. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1955. 430 с.

15. Садовской Б.А. Шестой час // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 12–41.

16. Садовской Б.А. Позднее утро. М., 1909. 88 с.

17. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.

18. Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1976. 736 с.

19. Садовской Б.А. Ледоход. Пг.: Издание автора, 1916. 208 с.

20. Де-Пуле М.Ф. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб.: Типография Грацианского, 1878. 199 с.

BEHIND THE LINES OF ERSHOV'S EPIGRAPH TO *SOLDATSKAYA SKAZKA*, A LITERARY FORGERY OF BLOK BY B. SADOVSKOY

Yu.A. Izumrudov

We consider the historical and literary context of the epigraph (a line from the fairytale *Konyok-Gorbunok* by P. Ershov) to *Soldatskaya Skazka* (*The Soldier's Tale*), a literary forgery of Blok by B. Sadovskoy.

Keywords: epigraph, fairytale, classic, tradition, revolution, Ershov, Pushkin, Gogol, Belinsky.

References

1. Shumihin S.V. Mnimyj Blok? // Lit. nasledstvo. T. 92. Kn. 4. M., 1987. S. 736–751.
2. Hodasevich V.F. Nekropol'. Literatura i vlast'. Pis'ma B.A. Sadovskomu. M.: Soglasie, 1996. 464 s.
3. Tvardovskij A.T. Sobraenie sochinenij. V 6 t. T. 5. M.: Hudozh. lit., 1980. 463 s.
4. Sadovskoj B.A. Zametki. Dnevnik (1931–1934) // Znamya. 1992. № 7. S. 172–194.
5. Izumrudov Yu.A. K voprosu o problematike «Soldatskoj skazki» B.A. Sadovskogo // Vestnik Nizhego-

rodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. № 2. S. 170–175.

6. Sadovskoj B.A. Ohta [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/hunt00.php

7. Polonskij V. S.A. Basov-Verhoyancev // Basov-Verhoyancev S.A. Sobraenie sochinenij: V 3 t. M.–L., 1927. T. 1. S. 5–10.

8. Dva stihotvoreniya A.V. Lunacharskogo // Voprosy literatury. 1961. № 1. S. 201–204.

9. Lunacharskij A.V. Aleksandr Blok // Blok A.A. Sobraenie sochinenij: V 12 t. L., 1932. T. 1. S. 14–55.

10. Azadovskij M.K. Put' «Kon'ka-gorbunka» // Ershov P.P. Konek-gorbunok. M., 1934. S. 9–15.
11. Popovich N. «Konek-gorbunok». Skazka ili namer? [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.unbelievable.ru/articles.php?id=381>
12. Sadovskoj B.A. O staroj i novoj kritike // Kritika russkogo simvolizma. V 2 t. M., 2002. T. 1. S. 372–375.
13. Belinskij V.G.: Rro et contra. SPb.: RHGA, 2011. 1168 s.
14. Pisarev D.I. Sochineniya. V 4 t. T. 2. M.: Hudozh. lit., 1955. 430 s.
15. Sadovskoj B.A. Shestoj chas // Volshebnyaya go-
ra. 1997. № 6. S. 12–41.
16. Sadovskoj B.A. Pozdnee utro. M., 1909. 88 s.
17. Sadovskoj B.A. Stihotvoreniya, rasskazy v stihah, p'esy i monologi. SPb.: Akademicheskij proekt, 2001. 398 s.
18. Belinskij V.G. Sobranie sochinenij. V 9 t. T. 1. M.: Hudozh. lit., 1976. 736 s.
19. Sadovskoj B.A. Ledohod. Pg.: Izdanie avtora, 1916. 208 s.
20. De-Pule M.F. Kol'cov v ego zhitejskih i literaturnyh delah i v semejnoy obstanovke. SPb.: Tipografiya Gracianskogo, 1878. 199 s.